

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. П. Перегудов

Новый российский корпоратизм:
от бюрократического
к олигархическому?

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1998_4_Peregudov.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

СОГЛАСОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

От редакции. Во многих высших учебных заведениях России в программы по политологии или в спецкурсы включены темы групп интересов и их специфических характеристик, а также моделей политического и социального взаимодействия и согласования интересов различных социальных общностей. Вместе с тем конкретные материалы по данной проблематике, особенно применительно к России, либо рассеяны по множеству источников, либо вообще отсутствуют. В связи с этим мы полагаем полезным ознакомиться с обзором, где в концентрированной тезисной форме представлены мнения ведущих отечественных специалистов по вышеозначенным вопросам. Речь идет о материалах заседания секции "Модели согласования социальных интересов и государственная политика России" (руководитель — кандидат философских наук, и.о. профессора Московской высшей школы социальных и экономических наук А.А. Дегтярев), проведенного в рамках V международного симпозиума "Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика" (1998 г.). Ниже приводятся в сокращении выступления участников секции. Публикацию подготовила аспирант социологического факультета МГУ А.П. Сюткина.

Новый российский корпоратизм: от бюрократического к олигархическому?

114

С.П. Перегудов

Одна из отличительных черт современного российского и более раннего "советского" корпоратизма — по преимуществу неформальный характер взаимодействия между наиболее влиятельными группами интересов и носителями государственной (в советское время — партийно-государственной) власти.

Эволюцию корпоративной модели в предельно обобщенном плане я охарактеризовал бы как смену модели или "парадигмы": место бюрократического корпоратизма заняла его иная — олигархическая — ипостась, которую с полным правом можно назвать "олигархическим корпоратизмом". Поскольку о "бюрократическом корпоратизме" я уже писал (см., напр.: "Полис", 1994, № 2, с.76—78), здесь я сосредоточусь на тех особенностях олигархического корпоратизма, которые обуславливают его место в системе связи между государством и обществом и ролевые функции.

Во-первых, это отсутствие централизованного начала, дисперсность и даже хаотичность взаимодействий олигархов и олигархических группировок с государством, что предопределено характером самих российских олигархий.

Второй аспект, во многом связанный с первым, — отсутствие какой-либо согласованной общенациональной или даже "стратовой" цели (идеи), реализуемой в процессе корпоративного взаимодействия. Фрагментарность элит, дисперсность связей между корпоративной и административно-чиновничьей их составляющими побуждает каждую из них использовать сиюминутную конъюнктуру для своих сугубо групповых, эгоистических целей. Чаще всего это оказывается максимально высокая политическая рента, а общенациональная, или "государственная", идея либо отсутствует вовсе, либо отодвинута на задний план.

Третьей характеристикой является то, что коммерческая и предпринимательская олигархии сосредоточивают в своих руках подавляющую массу ресурсов собственности, тогда как административная

и политическая элиты — властные и иные полномочия, способные прямо или косвенно содействовать приращению данных ресурсов. При погоне как тех, так и других за политической рентой подобное разделение ведет к разгулу коррупции, внедрению ее в сердцевину отношений между представителями власти и олигархическими группами. Коррупция, таким образом, есть не просто неизбежный спутник этих отношений, а органический, вытекающим из самой их сути элемент.

Четвертая особенность российского олигархического корпоратизма — при внутренней гетерогенности его непосредственные участники стягивают все сколько-нибудь существенные отношения собственности “на себя”, отстраняя от “дележа” все другие группы населения. О новомодных рассуждениях о “народном капитализме”, о необходимости формирования влиятельного среднего класса сразу же забывают, как только нужно сделать реальные шаги в этом направлении. При постоянных сговорах наших финансовых чинов о том, что на счетах в банках (и “в чулках”) у населения скопились десятки миллиардов новых рублей, не находящихся применения, не предпринимается почти ничего для привлечения хотя бы части этих средств в активы перспективных компаний. Если бы для начала населению была предложена хоть небольшая доля государственного пакета акций “Связьинвеста”, “Роснефти” и им подобных корпораций, оно отреагировало бы положительно, что позволило бы и дальше наращивать успех в привлечении средств для инвестиций.

Наконец, *пятая* из особенностей — широкое использование как государственной, так и бизнес-олигархией различного рода формализованных процедур, официально предназначенных для облегчения перехода от государственно-социалистической к рыночно-капиталистической экономике, в качестве прикрытия в погоне все за той же политической рентой. Эти процедуры хорошо известны, потому я ограничусь их простым перечислением.

Во-первых, это так наз. инвестиционные конкурсы и залоговые аукционы, объявленная цель которых — модернизация и структурная перестройка приватизируемых объектов. Во-вторых, это доверительное управление пакетами акций, находящимися в собственности государства (траст). Официальная цель траста — эффективное, освобожденное

от бюрократического вмешательства госведомств управление компаниями и предприятиями, где эти пакеты являются контрольными. Однако данные госпакеты приносят казне всего 0,5% прибыли в год, т.е. их отдача для общества почти равна нулю (см. “Эксперт”, 20.X.1997). Кроме того, трастовые договоры окутаны неким “туманом” (это наглядно было продемонстрировано в случае с “Газпромом”), что весьма симптоматично.

Далее в перечне следуют различного рода проекты модернизации отраслей и отдельных производств, а санкционирующие их указы Президента и постановления Правительства, без преувеличения, составят многие увесистые тома. Подавляющая часть этих решений не выполняется, однако даже та крайне малая доля средств (будь то в форме кредитов, различного рода льгот или гарантий), которая выделяется на модернизацию производств, в значительной степени используется не по прямому назначению, а совсем в иных целях, в т.ч. на ту же политическую ренту. Несмотря на ряд мер по организации реальных курсов и ужесточение контроля за выполнением взятых обязательств, ситуация не меняется.

Еще одним официально санкционированным каналом взаимодействия государства и олигархических групп является система так наз. уполномоченных банков. “Законность” получаемых с ее помощью немногими избранными банками доходов нисколько не противоречит тому, что мы опять-таки имеем дело с политической рентой. Недаром сам принцип “уполномоченности” подвергается все более острой критике; встал вопрос о переходе к казначейской системе обслуживания государственных финансов. Даже если решение об этой замене будет выполнено (в чем многие специалисты не уверены), остается система “уполномоченности” в регионах, субъектами которой являются филиалы ведущих банков, а также самые влиятельные местные банки. Судя по заявлениям представителей региональных властей (в частности, московских), многие из них намерены использовать данную систему и впредь.

Этот перечень якобы законных оснований для получения государственного имущества и средств можно продолжить, однако сказанного более чем достаточно для следующего заключения. Переходный характер российской экономики с точки зрения как отношений собствен-

ности, так и обновления технологий и менеджмента приводит к тому, что в целом ряде случаев (если не в большинстве) олигархический корпоратизм в России обретает смешанный, полуформализованный характер, и в этом его принципиальное отличие от “патримониальных”, сугубо неформальных отношений, которые сложились, например, в “азиатском треугольнике”. Эта констатация, естественно, не означает, что элементы “патронажа” и тем более клановости и клиентелизма у нас отсутствуют.

Во избежание недоразумения нужна одна оговорка. Я меньше всего хотел бы создать впечатление, будто считаю, что любые формализованные процедуры и отношения корпоратистского толка могут использоваться лишь в своекорыстных интересах и что наилучший выход из положения — как можно скорее от них избавиться. В действительности все гораздо сложнее. Как свидетельствует богатый опыт многих стран, “зло” — не в этих процедурах и формах самих по себе (без них в ряде случаев просто нельзя обойтись), а в тех условиях, в силу которых государство и его представители оказываются неспособными отстаивать общенациональный интерес и привлекать корпоративные группировки к конструктивному сотрудничеству и общественно полезному компромиссу.

Все сказанное вместе с наличием полностью формализованных отношений трипартистского толка придает нашему российскому корпоратизму особо сложный и во многом неповторимый характер. Это и неудивительно, поскольку нигде, кроме бывшего СССР, государство не проникло так глубоко в экономику и общество, а потому освобождение последнего из такого “плена” приобрело исключительно болезненный характер. Исследование всей совокупности отношений групп интересов и государства диктует острейшую необходимость объединения усилий специалистов, занимающихся различными аспектами этих отношений. Однако я отнюдь не считаю, что в центре наших разработок должен находиться именно корпоратизм или какой-то другой “-изм”. Гораздо плодотворнее взять на вооружение так наз. сетевой подход, основная посылка которого в том, что ни плюрализм, ни корпоратизм, ни элитизм не могут “покрыть” всей сложности отношений между государством и обществом. В рамках этого подхода, не отменяя и не подменяя названных концепций, вполне вероятно преодолеть методологический сепаратизм и, соответственно, объединить усилия всех тех, кто изучает те или иные аспекты данных отношений.